

РЕПРОДУКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРМСКИХ ПРОЗВИЩ¹

М.В. Боброва

Ключевые слова: современные прозвища, цветообозначения, лингвокультурология, Пермский край.

Keywords: modern nicknames, color designations, cultural linguistics, the Perm territory.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-03

В центре внимания в настоящей статье – современные прозвища как источник лингвокультурной информации, которую мы извлекаем из комплекса вторичных употреблений мотивирующих антропимы слов.

Изучение языковых данных в свете трансляции в них культуры того или иного народа ведется давно и плодотворно, исследователями выявляется специфика экспликации в языке знаний и представлений человека о мире, национального менталитета, индивидуальной языковой картины мира. Разрабатываются фундаментальные теории лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики (см. труды Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Голомидовой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, представителей Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, в первую очередь Е.Л. Березович, М.Э. Рут; мн. др.). Однако осуществляется это преимущественно на основе апеллятивных обозначений. Прозвища (далее также «пр.») в аспекте извлечения информации о менталитете их носителей и авторов (номинаторов) привлекались лишь в единичных работах (см., в частности, [Боброва, 2018; Осипова, 2017]).

В настоящее время прозвищные наименования – явление обиходно-бытового, живого, непосредственного общения. Вероятно, к этой группе лексики, как к никакой другой, приложима мысль о том, что «в ситуации обычного бытового общения образовательные, профессиональные, гендерные и возрастные особенности носителей языков существенно нейтрализуются» [Шкуропацкая, Уднармаа, 2017, с. 86] (но оговоримся: существенно, однако не абсолютно). В силу

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)».

максимального отрыва от официальной сферы коммуникации такие компоненты антропонимической формулы оказываются уникальным по ценности источником сведений об актуальных процессах в языке и культуре.

Обратимся к современным прозвищам жителей Пермского края и проанализируем антропонимы, эксплицирующие сенсорные (чувственно воспринимаемые) характеристики поименованных людей. Остановимся на именовании, мотивированных цветом волос их носителей. Зададимся целью определить на основе указанной группы антропонимов репродуктивные средства выражения колористических характеристик человека. Осуществим это с применением мотивационного и семантического анализа (с учетом внутренней формы прозвищ и мотивировок, предложенных информаторами), количественного методов. И тем самым предпримем опыт лингвокультурного подхода к именам собственным данного разряда. Иными словами, рассмотрим современные прозвища как продукт речевого опыта номинаторов.

Материалом для анализа послужат прозвища жителей Пермского края, собранные нами для проектируемого словаря, архив которого на настоящий момент включает не менее 5000 единиц. Всего выявлено 186 онимов указанной группы (без учета повторяемости), 153 из которых принадлежит русским, 32 – коми-пермякам, 2 – татарам. Наши данные отражают антропонимикон, актуальный для жителей Перми и иных (главным образом сельских) населенных пунктов преимущественно в последние 30–50 лет. В качестве сопоставительных данных использованы прозвища русского и коми-пермяцкого населения края.

В силу нечеткости понятий «брюнет», «блондин» и «шатен» в настоящей работе мы не употребляем их в качестве терминологических единиц.

Прежде всего, представим отобранный языковой материал и опишем русские именованья.

Выделяется несколько групп таких антропонимов с достаточно четко очерчиваемыми границами, которые мы расположим по мере убывания количества фиксаций соответствующих онимов.

1. Прозвища людей с рыжими волосами.

Наиболее многочисленная группа, включающая 35 прозвищ, которые принадлежат 75 человекам: *Апельсин*, *Красный*, *Мамонтенюк*, *Никола Медный*, *Никотин*, *Ржавый Гвоздь*, *Ржавчина*, *Рыжий*, *Серьга Рыжий*, *Рыжальда*, *Солнышко*, *Чубайс*, др. Обращает на себя внимание обилие лексем с корнем *-рыж-* (39),

непосредственно обозначающих цвет волос носителей именований. Остальные единицы ассоциативного характера и отражают разного рода оттенки рыжего. Кроме того, подчеркнем высокую повторяемость некоторых прозвищ (*Рыжий, Рыжая, Рыжик*) и отдельных компонентов прозвищных единиц (*рыжий / рыжая* (32), *рыжик* (7), *ржавый / ржавая* (5), *красный* (5), *Чубайс* (4), *апельсин* (3)).

2. Прозвища людей с очень светлыми (белыми) волосами.

Вторая по численности группа, включающая 53 прозвища, которые принадлежат 52 человекам: *Альбинос, Альбик, Белый, Белый Абажур, Белая Ворона, Белая, Белка, Белобрысый, Блонди, Крыса, Полстакана Молока, Репей, Светлый, Седой*, др. Отмечается обилие онимов с корнем *-бел-* (21). В группе выделяется ядро из наиболее употребительных прозвищ и компонентов прозвищ (*Белый, Сметана; белый / белая* (17), *сметана* (7)).

3. Прозвища людей с очень темными (черными) волосами.

Третья по количеству прозвищ группа, включающая 8 онимов, которые принадлежат 9 человекам: *Воронко, Домкрат, Уголек, Цыган, Серьга Черный, Черный, Черная, Чугунка*. Выделяется ядерная группа слов с корнем *-черн-* (4) и периферийные элементы с единственным употреблением.

4. Прозвища людей с красными волосами.

Немногочисленная группа, которая включает 5 прозвищ людей с волосами, окрашенными в красный цвет: *Бориц, Борщовая, Вишня, Красноголовик, Свекла*. Прозвища примыкают к первой группе, что вытекает из формальных и содержательных признаков. На это указывают, в частности, лексические пересечения, ср.: *Красный* ‘прозвища людей с рыжими (огненно-рыжими) волосами’, *Красная Борода* ‘пр. мужчины с рыжей бородой’ – и *Красноголовик* ‘пр. школьницы, которая выкрасила волосы в ярко-красный цвет’¹. Кроме того, многие единицы первой группы образованы от лексики, связанной с обозначением какого-либо иного (желтого, коричневого) цвета с красноватым оттенком (ср. *Никола Медный, Мамонтенок*). При этом, как известно, в русской традиционной культуре красный и оранжевый (рыжий – о волосах) слабо различаются, в семиотической сфере они коррелируют вплоть до полной субституции (ср., например, широко известное «*Рыжий, красный – человек опасный*»). Цвета от желтого до коричневого могут рассматриваться как оттенки красного, амбивалентного по своему символическому содержанию (красный может символизировать жизнь, солнце, плодородие, здоровье, но также

¹ В пермских говорах *красноголовик* – ‘гриб подосиновик’.

служить цветом потустороннего мира, маркировать потусторонних персонажей) (см. [Белова, 1999, с. 647–651]). Немаловажным считаем и количественный показатель, а именно, малочисленность онимов данной группы в сравнении с первой.

5. Прозвища людей со светлыми (серыми) волосами.

Немногочисленная группа из 5 прозвищ: *Буска, Вишня Седая, Мыша, Одуванчик, Седой*. Данные прозвища примыкают к прозвищам второй группы: здесь мотивирующие слова выступают фактически как «оттеночные» по отношению к понятию «светловолосый человек», указывая в данном случае не на собственно белый или белый с желтоватым оттенком цвет волос, а на белый с серым (темноватым) оттенком.

6. Прозвища людей с коричневыми волосами.

Группа онимов включает 5 прозвищ: три индивидуальных – *Капитанка, Седой, Шоколадка*, два коллективных (два катойконима) – *Буры, Бурята*. Выделить ядерную группу не представляется возможным; все прозвища образованы от лексем, обозначающих оттенки коричневого. По своим характеристикам сближается со второй и третьей по численности группой прозвищ, называющих людей с очень темными (черными) или очень светлыми (белыми) волосами: четыре онима отражают темные оттенки коричневого, один (*Седой*) – именование русого (вероятно, светло-русого) человека¹.

7. Прозвища людей с желтыми волосами.

Группа, включающая единственную номинацию *Ланша* ‘пр. девушки с волосами ярко-пшеничного цвета’. Опосредует прозвища первой и второй группы.

Анализ прозвищ позволяет заключить, что помимо собственно языковых средств трансляции информации о такой характеристике внешности человека, как цвет волос, номинаторами используются некоторые стереотипные речевые средства. Это так называемые «репродуктивные сегменты», которые характеризуют речевой опыт участников коммуникации и обеспечивают потенциальные возможности дискурсивных систем, реализуются в конкретных

---

¹ Прозвища в большинстве случаев являются результатом языковой игры, возникают на основе нестандартных лексических, семантических, словообразовательных, фонетических и (или) иных смысловых, формальных, функциональных связей – результатом того, что мы называем «произвольными мутациями». Нетипичность последнего онима заключается в том, что здесь обнаруживается вовлечение в группу «коричневых» номинаций слова «седой» вследствие выбора номинаторами в качестве опорной – семы ‘светлый’ (*русый* – ‘светло-коричневый с сероватым или желтоватым оттенком. О волосах’ [Словарь ..., 1961, 1586 стб.]).

речевых произведениях (см. об этом [Гаспаров, 1996]). В данном ключе проведено множество исследований. В частности, М.Г. Шкуропацкой и Уднармаа Даваа на материале ассоциаций на базе русских и монгольских зоонимов экспериментально выявлено, что в качестве репродуктивных сегментов (так сказать, средств передачи регулярно воспроизводимой информации) могут выступать «коммуникативные фрагменты» (в терминологии Б.М. Гаспарова [Гаспаров, 2006]), прецедентные тексты и «нормативно-узуальные модели» (в терминологии Л.А. Каджая [Каджая, 2013]). Выводы исследователей приложимы и к ономастическим материалам.

1) Коммуникативный фрагмент – это «целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Гаспаров, 1996, с. 118]. Они не закреплены узуально, однако обладают узнаваемостью и «иллюзионной подвижностью, делающей его способным к бесконечным модификациям в различных, никогда не повторяющихся условиях употребления» [Гаспаров, 1996, с. 129], могут, в частности, находить разное лексическое воплощение, но при этом демонстрировать повторяемость отдельных лексических, семантических, словообразовательных элементов модификатов. Ср., например, модификации коммуникативных фрагментов для стимула *верблюд*, по данным эксперимента в [Шкуропацкая, Уднармаа, 2017]: 1) плюется как верблюд (как верблюд плюется; плюешься, как верблюд; плюнет как верблюд; плевать как верблюд; плюешь как верблюд; плюет как верблюд); верблюд плюется; харкаешь, как верблюд; 2) пьет как верблюд; верблюд, а пьет, как лошадь; верблюд может не пить очень долго; 3) горбатый как верблюд; верблюд имеет два горба; горбатый; горбатый как верблюд; два горба, два пути; одногорбатый верблюд, двугорбатый верблюд; у верблюда 2 горба, потому что жизнь борьба; 4) верблюд – корабль пустыни (верблюды – корабли пустыни); верблюд такси пустыни; 5) выносливый, как верблюд (выносливый как верблюд); стойкий как верблюд; стоический верблюд. Материалы показывают, что при реализации отдельных коммуникативных фрагментов в речи актуализируются различные грамматические формы слов и синтаксические структуры, отдельные элементы словообразовательных гнезд, синонимы, устойчивые выражения, что позволяет реконструировать следующие признаки верблюда: 1) плюется; 2) пьет много / долго не пьет; 3) горбатый; 4) корабль пустыни; 5) выносливый.

Коммуникативные фрагменты, безусловно, находят свое выражение в прозвищах. Полагаем, именно такие речемыслительные

связи определили появление онимов *Рыжик* (*Просто я рыжая-бесстыжая, и друзья меня ласково Рыжи́ком зовут. Я даже кот своего Рыжи́ком назвала*), *Рыжая Мочалка* (прозвище преподавательницы, данное ей студентами за рыжие волосы и развязное поведение) или *Рыжий-шалавый*, которые реконструируют представления об особенностях поведения рыжеволосых людей – вероятно, такого же яркого, нестандартного, вызывающего, как и их волосы. Ср. и такую номинацию, как *Лиса* (‘пр. девушки, которой нравятся лисы и которая обладает рыжими волосами, отличается хитростью’).

Полученные данные соотносятся с результатами ассоциативных экспериментов. Ср., например, с материалами «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, Черкасова и др., 2002, с. 566] (выделим полужирным шрифтом наиболее значимые для настоящего исследования реакции): **РЫЖАЯ** – кошка, лиса, собака, **бесстыжая**, девочка, кобыла, борода, девушка, девчонка, белка, **волосы**, **голова**, корова, **коса**, лошадь, солнце, черная, баба, Балтер, **бестия**, вошь, девка, детство, солнце, **есть такой цвет**, жаба, клоун, конопатая, красавица, крыса, лохматая, лошадка, мех, надежда, обезьяна, огонь, пыжик, ржавчина, **сволочь**, седой, собачонка, Соня, стена, **стерва**, **сука**, **тварь**, уродина, цветная, ярко; **РЫЖИЙ** – кот, конопатый, конь, пес, клоун, **цвет**, **человек**, **волос**, **волосы**, **лис**, мальчик, парень, козел, белая ворона, **бестия**, Вася, в веснушках, ведьма, галстук, гоблин, жарый, зеленый, котенок, красный, Лешка, лопата, мальчишка, Миха, **окрас**, парик, пацан, песенка, пыжий, **рыжие волосы**, смешливый, собака, солнце, страус, таракан, тушканчик, урод, ус, хвост, **цвет волос**, цветок, **человек с рыжими волосами**, черный, черт, чижик, ярко-красный. Эти данные позволяют реконструировать, в частности, такие коммуникативные фрагменты, которые аналогичны реконструируемым на прозвищном материале: «рыжий (рыжеволосый) человек», «рыжий-бесстыжий», «рыжий – опасный».

Особенно показательным представляется наличие буквальных лексических пересечений в нашем архиве и в ассоциативном словаре (*Рыжик. Просто я рыжая-бесстыжая...* – и **РЫЖАЯ бесстыжая**; *Белка* – и *белка*; *Лиса* – и *лиса*; *Огонь* – и *огонь*; *Ржавчина* – и *ржавчина*; *Солнце* – и *солнце*; др.).

Обобщение признаков, которые транслируются антропонимами из нашего архива, позволяет определить, что *рыжим* приписывается внешнее сходство с лисой или белкой и такие свойства, как хитрость, бессовестность, развязность, а также «как Чубайс». В Пермском крае зафиксировано четыре номинации *Чубайс*, но все в разных районах;

более того, это нередкий зооним (кличка рыжих котов). Как следствие, фамилию соответствующего политика можно уже рассматривать в качестве прецедентного имени.

2) Прецедентные тексты также обыгрываются в наших материалах. В настоящем случае мы придерживаемся «узкой» трактовки данного термина, приближенной к исходному его толкованию автором понятия – Ю.Н. Карауловым (о разных трактовках термина см. [Петрова, 2010]): прецедентный текст – факт культуры индивида, социальной или национальной группы, человеческого сообщества в целом, регулярно воспроизводимый речевой отрезок, обладающий устойчивыми ассоциациями и способный к реинтерпретации (то есть переосмыслению, наделению новыми смыслами на базе исходных). В процессе создания прозвищ признаки прецедентных текстов приобретают, в частности, фразеологизмы.

Так, в нашем материале очень широко представлены именованя с мотивирующим словом *белый*, которое выступает не только в современном прямом значении ‘самый светлый из цветов; (что-либо) такого цвета’. Любопытно уже то, что непосредственная речь демонстрирует живость древнейших значений этого слова: «...первоначальное значение белого не было цветовым: слово означало «светящийся», «блестящий, сверкающий»..., характеризовалось семантическим синкретизмом – имело также значения «светлый», «прозрачный», «чистый», «бесцветный». Появление значения цвета в семантике лексемы датируют XIII веком...» [Григорьева, Григорьева, 2018, с. 75]. Показания современных пермских прозвищ согласуются с выводом Р.В. Алимпиевой, которой экспериментально как наиболее значимые выявлены ассоциативные признаки «светлый» и «чистый» [Алимпиева, 1976]. Наиболее востребованными в прозвищах оказались значения ‘светлый’, ‘белесый’, ‘бесцветный’: преимущественно это именованя блондинов с очень светлыми, иногда близкими к белому цвету, но редко белыми волосами. В предложенных информантами мотивациях это отражается в следующих формулировках: *Из-за светлых волос; Очень светлые волосы, глаза; Светлые волосы; Светловолосая девушка; За светлые волосы*; под. Кроме того, показательным представляется то, что другие лексемы, передающие аналогичное значение, единичны по употреблению: *Блонди, Блондин, Светлый, Белобрысый, Репей, Бройлер, Лубяночка* (по 1), *Перекусь* (2). Ср. также пермское диалектное *белошарый* ‘со светлыми (серыми, прозрачными) глазами’.

В ряд «белых» прозвищ оказалось вовлечено устойчивое (а значит, прецедентное) выражение *белая ворона*. В соответствующем ониме,

прежде всего, было вновь актуализировано представление о цвете оперения ворон, которым свойствен серо-черный окрас и не свойствен, даже чужд белый. Семантика устойчивого выражения *белая ворона* ‘человек, который выделяется на фоне других своим поведением и (или) системой ценностей’ была востребована лишь частично. В результате имеем синкретизм значений прямой и прецедентной номинаций (***Белая Ворона*** (он же ***Белый*** и ***Ворона***)) – человек, который выделяется на фоне остальных цветом волос), а как следствие, базу для развития потенциального обобщенного значения ‘человек, который чем-либо отличается от других (внешностью, поведением, системой ценностей), но не обязательно противостоит другим членам сообщества’. Тем самым при возникновении фразеологизма *белая ворона* в соответствии с выводами исследователей основой вторичных (переносных) значений цветообозначений выступили ассоциативные признаки, а не ядерные семы (см. об этом [Дорожкина, 1999]). Но в прозвище устойчивое выражение стало «жертвой» языковой игры номинаторов: оно подверглось частичной деэтимологизации (путем прояснения исходного значения) и реинтерпретации, а вследствие этого оказалось вовлечено в семантические процессы.

Результат переработки языковых текстов усматривается также в прозвищах ***Одуванчик*** (именование мужчины с седыми «пышными» волосами, используемое в среде преступников; ср. фразеологизм *божий одуванчик* ‘старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек (чаще – о кроткой, безобидной старой женщине)’ [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 462]), ***Златовласка*** («заглазное» именование рыжеволосого школьника; ср. имя женского персонажа (принцессы) одноименной чешской сказки), ***Красная Борода*** (именование мужчины с рыжей бородой; ср. номинацию персонажа французской сказки *Синяя Борода*), др., в которых номинаторами были обыграны устойчивые выражения и широко известные именованья персонажей фольклорных и литературных произведений.

3) Нормативно-узуальные модели построения соответствующих номинаций также могут быть выделены на материале прозвищ, характеризующих человека по цвету волос.

Преобладающее количество исследуемых онимов является однословными единицами. Самым распространенным способом номинации следует считать самостоятельное употребление атрибутивных слов в прямом значении (то есть примеры субстантивации в мотивационной модели «цвет (волос)» > «прозвище»), «(прозвище человека с волосами) определенного цвета»: ***Рыжий, Белый, Черный, Рыбий, Красный, Седой, Сивый***. Кроме того, выделяются следующие,

более характерные для системы прозвищ модели, возникающие в результате метафорического или метафорико-метонимического («метафтонимического») переосмысления лексики: «(прозвище человека с волосами) цвета определенного предмета» (*Уголек, Солнце, Солнышко*), «(прозвище человека с волосами) цвета плода определенного растения (фрукта, корнеплода, ягоды и т. п.)» (*Апельсин, Вишня, Кокос, Свекла*), «(прозвище человека с волосами) цвета определенной пищи» (*Лапша, Сметана, Шоколадка*), «(прозвище человека с волосами) цвета шерсти определенного животного» (*Лиса, Мамонтенок*), «(прозвище человека с волосами) как у представителя определенной национальности или народности» (*Цыган*), некоторые другие. Помимо этого, следует выделить модели, возникшие в результате словообразовательных процессов, например: «цвет (волос) + суффикс *-янк(а)*» (*Белянка*), «цвет (волос) + суффикс *-яш-*» (*Беляш*), «цвет (волос) + финаль *-альда*» (*Рыжальда*; ср. иноязычные женские личные имена типа *Ромуальда, Розальда, Миральда*), «транспозиция атрибутива, характеризующего предмет определенного цвета» (*Пятитысячная*). При этом можно говорить о продуктивных и малопродуктивных моделях. Так, в рассматриваемой группе прозвищ продуктивны лексические и лексико-семантические преобразования по модели «(прозвище человека с волосами) определенного цвета», «(прозвище человека с волосами) цвета плода определенного растения (фрукта, корнеплода, ягоды и т.п.)», «(прозвище человека с волосами) цвета шерсти определенного животного», малопродуктивны аффиксальные словообразовательные модели. Очень высокая частотность транспонированных форм, с нашей точки зрения, позволяет судить в целом об актуальности (продуктивности) субстантивации в русском языке на современном этапе.

Характерно, что в случае множественности мотивации наблюдается усложнение базовых моделей. И наряду с подобными номинациями встречаются прозвища полилексемные. Так, в наших материалах присутствуют именованья светловолосых людей на основе названий молочных продуктов. Особенно востребована апелляция к цвету сметаны (*Сметана*), но в том случае, когда номинация передает сразу несколько характеристик человека, переосмысляется и «образ» продукта, ср.: *Полстакана Молока* 'пр. подростка со смуглой кожей и светлыми волосами'. Можно предположить, что косвенно так передается степень выраженности признака – насыщенность цвета волос в первом случае и более слабая окраска (некая неполноценность, неполнота проявления признака, подчеркнутая лексемой «полстакана») во втором. Но и такие прозвища едва ли следует считать фактом реализации

нормативно-узуальных моделей (в понимании Л.А. Каджая), в данном случае в силу единичности их употребления.

Полноценным примером воплощения нормативно-узуальных конструкций является модель «личное имя + атрибутивное слово»: *Миша Белый, Ванька / Миша / Серьга Рыжий, Настя Рыжая, Коля Седой, Серьга Черный*. Данная модель генетически связана с наиболее распространенными случаями субстантивации атрибутивов и, вероятно, предшествовала последней. В подобных наименованиях реализована функция прозвищ, наиболее востребованная в коммуникативной среде сельчан, – дифференцирующая, в то время как в речи горожан, особенно молодых жителей города, чаще востребована функция маркирующая (наделение прозвищами «своих», то есть членов данной социальной группы, в отличие от «чужаков», которым отказывается в «совсем собственном» именовании).

Сравнение наблюдений, сделанных на материале русских прозвищ, с наблюдениями над коми-пермяцкими онимическими данными позволяет уточнить выводы.

В частности, обнаруживается, что состав прозвищ коми-пермяков, проживающих в Пермском крае, в значительной степени аналогичен составу именовании русских. Здесь также выделяется три основные группы прозвищ, называющих людей с рыжими (15), очень темными (9) или очень светлыми (7) волосами, но помимо этого группа с единичным именованием русоволосого человека: *Гөрд* (< *görd* ‘рыжий’), *Руду Кирилл* (< *руд* ‘русый, русоволосый’), *Рыжой Лиса* (< *рыжой* ‘рыжий’), *Рыжий, Рыжко, Съод Иван* (< *съод* ‘черный’), *Чиганка* (< *чиганка* ‘цыганка’), *Кольк Кыш, Кольть Кыш* (< *кольть*, диалект. *кольк* ‘яичный’, *кыш* ‘скорлупа’), *Чочком Сеня* (< *чочком* ‘белый, светлый’), др.

Обращают на себя внимание следующие параллели с русскими именованями: 1) отмечается частотность единиц с корнем *-рыж-* (8 онимов из 31); 2) в антропонимах актуализируются понятия, аналогичные тем, которые обнаруживаются в русских именованях (ср. *Ржавый, Ржавая, Ржавый Гвоздь, Ржавый Гвоздик* – и *Сімём* (< *сімём* ‘ржавый’); *Красный, Красная Борода* – и *Гөрд, Гөрд Иван, Гөрд Тань, Гөрд Сизь род* (коллективное прозвище членов семьи, глава которой носит прозвище *Гөрд Сизь*)), иногда привлекаются тождественные лексемы (ср. прозвища русских и коми-пермяков *Банан, Рыжий / Рыжой, Цыган / Чиган*). Отличает антропонимации коми-пермяков следующее: 1) отсутствуют именованя людей с красными, желтыми и серыми волосами; 2) единственное прозвище отражает коричневый цвет волос человека, причем, в отличие от русских, только

светлого оттенка (*Руду Кирилл* < *руд* ‘русый’); 3) у разных народов в аналогичных лексемах могут актуализироваться разные пласты информации. Так, у русских антропонимы *Ржавый, Ржавая, Ржавый Гвоздь, Ржавый Гвоздик* манифестируют только оттенок цвета волос носителей онимов. У коми-пермяков, помимо этого, оказалось актуализированным представление о вызываемых ржавчиной разрушениях: *Сімӧм* ‘пр. рыжеволосого веснушчатого человека’ и ‘пр. мальчика с гнилыми зубами’; у русских мотивация, аналогичная последней, дала более конкретную номинацию *Кариес*.

Здесь так же обнаруживается опора на коммуникативные фрагменты, один из которых нашел отражение в ониме *Рыжӧй Лиса* (‘пр. хитрой рыжеволосой женщины’). Прозвище сближается по своим особенностям с русскими именованиями рыжеволосых (и одновременно хитрых) людей, в том числе с прозвищем *Лиса*.

В прозвищах коми-пермяков тоже обыгрываются прецедентные тексты, главным образом имена собственные: *Африка* как место обитания людей со специфичной внешностью (*Африка* – ‘пр. черноволосого кудрявого человека с характерными чертами лица’); *Изаура*, персонаж бразильского телесериала, мулатка (*Изаура* – ‘пр. женщины с длинными черными волосами’); *Чапаев*, известный полководец времен Гражданской войны (*Чанай* – ‘пр. темноволосого мужчины с пышными усами, как у Чапаева’).

Меньшее количество зафиксированных прозвищ коми-пермяков предопределило меньшее количество моделей употребления лексики в онимах. В то же время в этой группе именований выявлена модель, не востребованная в русских антропонимах, – «(прозвище человека с волосами) цвета определенного насекомого» (*Таракан Сень*, букв. «таракан Семен» – ‘пр. мужчины с длинными рыжими усами’).

Оговоримся, однако, что в значительной степени аналогии в построении прозвищ могут объясняться тем, что русские и коми-пермяки значительное время проживают на территории Пермского края совместно.

Татарские прозвища исследуемой группы в нашем архиве единичны (*Акбай* (< *ак* ‘белый’, *бай* ‘голова’) ‘пр. светловолосого человека’, *Аккош* (< *ак* ‘белый’, *кош* ‘птица’) ‘пр. человека с родовой особенностью – белой прядью волос’). И, хотя в них также в какой-то степени отражаются сделанные нами наблюдения, опираться на столь малое количество данных в качестве сопоставительного материала считаем некорректным.

Таким образом, проанализированные прозвища подтверждают выводы, сделанные нашими предшественниками на основе апеллятивов,

и позволяют говорить о том, что в процессе словотворчества номинаторы опираются на имеющиеся в их речевом опыте репродуктивные средства (ср. [Каджая, 2013, с. 100; Шкуропацкая, Уднармаа, 2017, с. 100]), которые при этом обладают не только и не столько индивидуальной, сколько социальной значимостью. Причем эти средства способны иметь универсальный характер, используются в речевой практике носителями разных лингвокультур.

Однако это заключение недостаточно конкретно и в большой степени ожидаемо. Полагаем, далее возникает необходимость уточнить этот промежуточный вывод применительно к прозвищам: в чем же заключается специфика таких имен собственных в сравнении с апеллятивами и иными антропонимами?

Ответ мы усматриваем в функционально-прагматической сфере. Если основное назначение нарицательных имен – указать на типичное в называемом объекте (обозначить принадлежность к определенному классу явлений действительности), то функция прозвищ – идентифицировать, дифференцировать, а в конечном итоге индивидуализировать номинируемых лиц, «проявить» в типичном нетипичное. В этом смысле прозвища противостоят даже наиболее близким им в русской ономастической системе личным именованиям, отчествам или фамилиям, поскольку те передают лишь самые общие признаки называемого объекта (мужское или женское имя указывает на гендерную характеристику, присутствие или отсутствие отчества – на социальное половозрастное положение, фамилия – на национальную принадлежность). Прозвища оказываются единственной антропонимической единицей, способной манифестировать индивидуальные свойства человека¹. Самое главное, что объединяет исследованные прозвищные именования – основной принцип их образования: теми или иными способами в них отражаются некие

---

¹ Не можем согласиться с М.Г. Ивановой, в работе которой утверждается, что современные имена выступают как единицы «с мотивированным внутренним значением» [Иванова, 2017, с. 185], так как большая часть русского именика иноязычного (латинского, древнееврейского, древнегреческого, иного) происхождения и при наречении новорожденных исходные значения имен редко учитываются родителями и нечасто известны окружающим. Встречаются немногочисленные имена с прозрачной внутренней формой (типа Владимир – «владеющий миром», Святослав – «святая слава»), но так или иначе в русской традиции личные антропонимы используются не в квалитативной, а в оптаивной функции. Это становится одной из отправных точек для появления прозвищ (наше сознание не терпит «пустых знаков», хотя бы и социально функциональных) и отличает русские традиции номинации детей от традиций в других культурах, например в татарской (см., в частности, [Хазиева-Демирбаш 2016]), где имена выступают и в оптаивной, и в квалитативной функциях.

отклонения во внешности (а иногда также в поведении) людей, которые выделяют последних на фоне обычных с этой точки зрения представителей сообщества.

Апеллятивы и их сочетания (коммуникативные фрагменты или прецедентные тексты, нередко построенные по определенным моделям), как хранилища речевого опыта, обеспечивают материал для дальнейшей его обработки в процессе живой непосредственной коммуникации. В прозвищах же оттачиваются имеющиеся, рождаются и умирают новые модели словообразования, языковые значения и оттенки слов, ономаσιологические принципы, культурные коннотации. Ономастическое пространство в прозвищной его части оказывается той «кухней» или «полигоном», на котором проходят активнейшие процессы становления языка – закрепления одних речевых средств и расшатывания других.

Литература

- Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова *белый* // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып. 2.
- Белова О.В. Красный цвет // Славянские древности: в 4-х тт. М., 1999. Т. 2.
- Боброва М.В. Соматизмы в современных прозвищах Пермского края // Вопросы ономастики. 2018. № 2.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Григорьева Т.В., Григорьева А.Р. Оценочно-символический потенциал лексемы *белый* // Филология и человек. 2018. № 2.
- Дорожкина Т.Н. Члены языковой оппозиции «черный – белый»: лексическая и прагматическая семантика // Исследования по семантике. Уфа, 1999.
- Иванова М.Г. Традиционные особенности русских и китайских именных формул в контексте межкультурной коммуникации // Филология и человек. 2017. № 3.
- Каджая Л.А. Коммуникативные фрагменты и контуры высказывания как конститuentы речевого жанра // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23).
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2-х тт. М., 2002. Т. 1.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
- Осипова К.В. Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1.
- Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник ИГЛУ. 2010. № 2.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17-и тт. М.; Л., 1961. Т. 12.
- Хазиева-Демирбаш Г.С. Этнокультурные особенности татарских личных имен с компонентами цветообозначений // Филология и человек. 2016. № 4.
- Шкуропацкая М.Г., Уднармаа Даваа. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты как способы фиксации языкового сознания носителей монгольского и русского языков (на материале слов-зоонимов) // Филология и человек. 2017. № 3.

References

- Alimpieva R.V. *Semanticheskaya struktura slova belyy* [Semantic Structure of the Word White]. *Voprosy semantiki* [Problems of Semantics]. Leningrad, 1976. Iss. 2.
- Belova O.V. *Krasnyy tsvet* [Red Color]. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. In 4 vols. Moscow, 1999. Vol. 2.
- Bobrova M.V. *Somatizmy v sovremennykh prozvizhchakh Permskogo kraja* [Somatism in Modern Nicknames of the Perm Region]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2018. № 2.
- Gasparov B. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, 1996.
- Grigor'eva T.V., Grigor'eva A.R. *Otsenочно-simvolicheskiy potentsial leksemy belyy* [Evaluative and Symbolic Potential of the Word White]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. № 2.
- Dorozhkina T.N. *Chleny yazykovoy oppozitsii «chernyy – belyy»: leksicheskaya i pragmaticheskaya semantika* [Members of the Language Opposition «black – white»: Lexical and Pragmatic Semantics]. *Issledovaniya po semantike* [Research on Semantics]. Ufa, 1999.
- Ivanova M.G. *Traditsionnye osobennosti russkikh i kitayskikh imennykh formul v kontekste mezkul'turnoy kommunikatsii* [Traditional Features of Russian and Chinese Nominal Formulas in the Context of Intercultural Communication]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.
- Kadzhaya L.A. *Kommunikativnye fragmenty i kontury vyskazyvaniya kak konstituenty rechevogo zhanra* [Communicative Fragments and Contours of Utterance as Constituents of Speech Genre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Russkaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 3 (23).
- Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. In 2 vols. Moscow, 2002. Vol. 1.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, 2007.
- Osipova K.V. *Dialektnye prozvizhcha Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvaniy pishchi: etnolingvisticheskiy aspekt* [Dialectal Nicknames of the Russian North, Formed from the Names of the Food: Ethno-linguistic Aspect]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2017. Vol. 14. № 1.
- Petrova N.V. *Evolutsiya ponyatiya «pretsedentnyy tekst»* [Evolution of the Concept of «Precedent Text»]. *Vestnik IGLU* [Bulletin of ISU]. 2010. № 2.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. In 17 vols. Moscow, Leningrad, 1961. Vol. 12.
- Khazieva-Demirbash G.S. *Etnokul'turnye osobennosti tatarskikh lichnykh imen s komponentami tsvetooboznacheniy* [Ethnocultural Features of Tatar Personal Names with Components of Color Meanings]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2016. № 4.
- Shkurovskaya M.G., Udnarmaa Davaa. *Kommunikativnye fragmenty i pretsedentnye teksty kak sposoby fiksatsii yazykovogo soznaniya nositeley mongol'skogo i russkogo yazykov (na materiale slov-zoonimov)* [Communicative Fragments and Precedent Texts as Ways of Fixing of the Language Consciousness of Mongolian and Russian Speakers (on the material of zoonym words)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.